

П.А. КУЛАКОВСКИЙ О ЕДИНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ СЛАВЯН

Апекунов В.А.,

*аспирант МГУ имени А.А. Кулешова, г. Могилёв, Республика Беларусь
Научный руководитель – Лавринович Д.С., доктор ист. наук, профессор*

Ключевые слова. Панславизм, национальный вопрос, славяноведение, политика в языковой сфере, единый литературный язык, русский язык, кириллица.

Keywords. Pan-Slavism, national question, Slavic studies, language policy, unified literary language, Russian language, Cyrillic.

Проблема единого общеславянского языка долгое время занимала умы как славянских деятелей национально-освободительного движения, так и многочисленных учёных-славистов. В частности, своё отражение данная проблематика нашла в трудах учёных Российской империи, занимавшихся славяноведением. Уже в XXI веке идеология объединения славян переживает своё возрождение в нескольких направлениях: научно-образовательном, общественном и политическом. Кроме того, в последнее время вновь поднимается вопрос о создании единого славянского языка. В связи с этим, важно рассмотреть то, каким образом П.А. Кулаковский видел решение данной проблемы в XIX веке.

Цель – проанализировать точку зрения П.А. Кулаковского по поводу проблемы общеславянского языка на основе работ ученого.

Материал и методы. В качестве основы для данной статьи послужили работы П.А. Кулаковского, посвящённые непосредственно проблематике общеславянского языка. В частности, «Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян» [1], а также «Начало русской школы у сербов в XVIII веке» [2]. В качестве вспомогательного материала была использована статья И.В. Чуркиной «Всеславянская модель Матия Маяра Зильского» [3]. При написании статьи использовались как общенаучные, так и специальные исторические методы.

Результаты и обсуждение. Русский ученый-славист П.А. Кулаковский не только активно работал над изучением вопроса об едином славянском языке, но и внес немалый вклад в изучение истории и литературы южных и западных славян. Свои взгляды на общеславянский язык он оформил в виде специального труда под названием «Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян», изданного в 1885 г. в Варшаве.

В своей работе П.А. Кулаковский отмечает, что вопрос об общеславянском языке решался на протяжении XVI–XVIII вв. двумя путями. С одной стороны, единый язык мог появиться искусственно, на основе навязанных ему извне форм. С другой стороны, существовал более простой, на первый взгляд, путь, который заключался в принятии единого языка из уже существовавших на тот момент времени «для удовлетворения высших потребностей славянской культурной жизни» [1, с. 6].

Рассуждая о первом варианте появления единого языка, П.А. Кулаковский начинает со времени Юрия Крижанича, хорватского богослова, лингвиста, писателя. Ученый пишет о нем, что Крижанич первым не только обозначал данную проблему, но и свел свои взгляды в единую систему. Проанализировав сочинения хорватского деятеля XVII в., П.А. Кулаковский приходит к выводу о том, что возможность появления единого языка Крижанич искал в русском языке образца XVII в. То есть, фактически речь шла о церковнославянском языке, на котором тогда издавались книги в России. По сути, для самого Крижанича, как отмечает П.А. Кулаковский, между понятиями «русский» и «славянский» следует ставить знак равенства. Подкреплял он этот тезис своей теорией о происхождении всех славян с территории Руси. П.А. Кулаковский отмечает, что попытка Ю. Крижанича создать единый язык обернулась неудачей. Во многом, из-за того, что получившийся в итоге язык, как писал П.А. Кулаковский, лишился живости, легкости и точности [1, с. 17].

Схожую с Крижаничем идею обосновывали в XIX в. Ян Геркель и Матий Маяр Зильский. Геркель в своем варианте склоняется к использованию словацкой основы, в то время как Маяр видел в совместном действии азбуки и орфографии основу для единения

славян. И ключ к данному единению, по мнению Маяра, – принятие кириллицы. Подобное предложение было поддержано и в других славянских странах, и более или менее успешно кириллица внедрялась в другие языки. Так, например, с 1862 г. Ф.И. Иезбера издавал журнал «Словенин» на кириллическом варианте чешского языка. Данный замысел, по мнению П.А. Кулаковского, имел успех.

В 1848 г. Матий Маяр Зильский издает книгу «Правила како изображавати Илирско наречие», в которой излагает свои взгляды на то, каким образом можно внедрить кириллицу в «иллирийское» наречие. Впоследствии в книге «Взаимная славянская грамматика», изданной в 1865 г., он пытается обосновать и продвинуть идею создания единой общеславянской азбуки, поскольку считает, что добиться этой цели будет достаточно легко. При этом сам Маяр приводит в своих сочинениях четыре главных литературных языка, в числе которых он выделяет русский, хорватско-сербский, чешский и польский, и ещё четыре «второстепенных», как он пишет, к которым он относит болгарский, словенский, словацкий и лужицко-сербский языки. Тем не менее, Маяр активно продвигал идею создания «взаимного» языка, о чем он писал следующее: «Писать взаимно – значит писать на теперешних литературных языках так, чтобы каждый образованный славянин в случае нужды мог понимать всякую взаимно написанную славянскую книгу». Его идея заключалась в отборе тех форм, которые так или иначе встречаются в славянских языках и наречиях, и на основе собранных форм и должен быть создан единый язык, в основу которого закладывалась бы, так называемая, «взаимная грамматика» [3, с. 114].

Однако П.А. Кулаковский приходит к выводу о том, что идея Маяра была довольно шаткая. В эпоху, когда жил Маяр, привести все языки к общему знаменателю было крайне проблематично, если не сказать, что совсем невозможно. Кулаковский пишет, что, несмотря на схожесть идей Маяра и Крижанича, последний имел больше шансов на успех, поскольку в XVII в. ещё не существовало славянской письменности на народных языках [1, с. 30].

Таким образом, попытка создать искусственный общеславянский язык не привела к ожидаемому результату. Существовала еще одна возможность – выбрать из существующих в то время славянских языков один, причём, как замечает сам П.А. Кулаковский, имеющий развитую литературу. При этом важно было, чтобы этот язык в идеале обязательно знал каждый славянин. Фактически, такой язык превращался бы, в современном понимании, в язык международного общения, подобно английскому языку, начиная с первой половины XIX в. и по сегодняшний день. «Было бы более чем странно считать, что литературное объединение славян уничтожит отдельные литературы славянских народностей: оно лишь ограничит их область» – так П.А. Кулаковский обосновывал концепцию принятия уже существующего языка в качестве общеславянского [1, с. 55].

Сам П.А. Кулаковский считал, что именно русский язык имел больше других шансов стать общеславянским языком. Еще в XVII в. высказывались мнения, что именно русский язык должен был стать литературным языком славян. Такая точка зрения высказывалась в церковных кругах. Причем, как подчеркивал П.А. Кулаковский, русский или русско-славянский язык должен был стать литературным не только для всех южнославянских народов в целом, но и для сербов в частности. Интересно, что такое мнение поддерживалось не только православными, но и католическими священниками на южнославянских землях [2, с. 23].

Кроме того, ученый обращает внимание и на весьма решительные высказывания некоторых славянских деятелей национального возрождения, например, Людевита Штура, считавшего, что русская азбука «вполне и без всяких затруднений передаёт на письме славянские звуки» [1, с. 49].

Однако необходимо заметить, что и концепция русского языка как общеславянского в некоторой степени уязвима. Несмотря на тот факт, что к середине XIX в. Российская империя была единственным независимым государством, имеющим развитый язык, литературу и культуру в целом, имелись в славянском мире и другие народы, которые к этому времени хотя и утратили свою государственность, однако имели также и достаточно развитую культуру, и историю государственности. Красноречивым примером такого народа мог являться польский, который, с большой долей вероятности, категорически отверг бы подобную концепцию.

Заключение. Таким образом, П.А. Кулаковский отмечает, что принятие русского языка в качестве общеславянского – всё же не единственный путь решения данного вопроса. Высказывая данное предположение, ученый пишет, что в ситуации, когда представляются возможным два варианта развития событий: сохранение самобытной литературы для каждого славянского народа в отдельности, либо же подчинение отдельных славянских языков чуждым нормам, признание русского языка в качестве единого литературного языка славян было бы, по его мнению, «меньшим злом» [1, с. 56].

1. Кулаковский, П. А. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке славян / П.А. Кулаковский. – В. : Тип. К. Ковалевского, 1885. – 57 с.

2. Кулаковский, П. А. Начало русской школы у сербов в XVIII веке: Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы // П. А. Кулаковский. – Спб. : Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1903. – 176 с.

3. Чуркина, И. В. Всеславянская модель Матия Маяра Зильского / И. В. Чуркина // Славянский альманах. – 2001. – С. 106-119.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЛАТВИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ (1992–2000 ГГ.)

Белов Г.О.,

магистрант ПсковГУ, г. Псков, Российская Федерация

Научный руководитель – Фролов В.В., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Латвия, Россия, национальные меньшинства, неграждане, русский язык, национализм, этноцентризм.

Keywords. Latvia, Russia, national minorities, non-citizens, Russian language, nationalism, ethnocentrism.

В настоящее время российско-латвийские отношения осложняются вопросами исторической памяти и положения национальных меньшинств. Политику Латвии в этих направлениях нередко характеризуют как антисоветскую и антирусскую. Это и обусловило цель работы – рассмотреть период генезиса латвийской политики в отношении национальных меньшинств и исторической памяти (с 1992 по 2000 гг.), и проанализировать ее основные направления и результаты.

Материал и методы. Материалами для работы послужила русскоязычная и англоязычная научная литература авторов разных стран, нормативно-правовые акты и декларации Латвийской Республики и ЛССР, а также материалы СМИ. Методологическую базу исследования составили методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, описания и измерения, а также принципы объективизма, верифицируемости и историзма.

Результаты и их обсуждение. 4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской ССР принял Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики. В Декларации постановляется признать не имеющим законной силы вхождение Латвии в состав СССР в 1940 г., и, следовательно, возобновить действие Конституции Латвийской Республики 1922 г. [1] Но в связи с этим возникал вопрос о гражданстве. Получат ли его люди, поселившиеся в Латвии после 1940 г. (а это были в большинстве своем русские, составлявшие 34% населения республики в 1989 г. [2, с. 84])? В октябре 1991 г. Верховный Совет принял постановление «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и об основных принципах натурализации». Согласно постановлению, только те жители Латвии, которые были ее гражданами до 1940 г., а также их потомки, восстанавливались в гражданстве [3, с. 9]. Принятый в 1994 г. закон «О гражданстве» подтвердил этот принцип. Некоторым категориям лиц в принципе нельзя было претендовать на гражданство. Это касалось тех, кто имел связи с КГБ, иностранных военнослужащих, членов коммунистической партии и ряда других. По состоянию на 1993 г. гражданство не получили 876436 человек: около 505 тыс. из них – русские, а также 82 тыс. белорусов, 70 тыс. украинцев, 26 тыс. литовцев и т.д. [4, с. 6] 12 апреля 1995 г. был принят закон «О статусе граждан бывшего СССР, не